

ВОЙНА

Цѣна отд. № 20 коп.

На ст. жел. д. 25 коп.

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 20

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

12 МАЯ

НОВАЯ ПОСТАНОВКА „ГАМЛЕТА“.

(Къ 300-лѣтію со дня смерти Шекспира.)

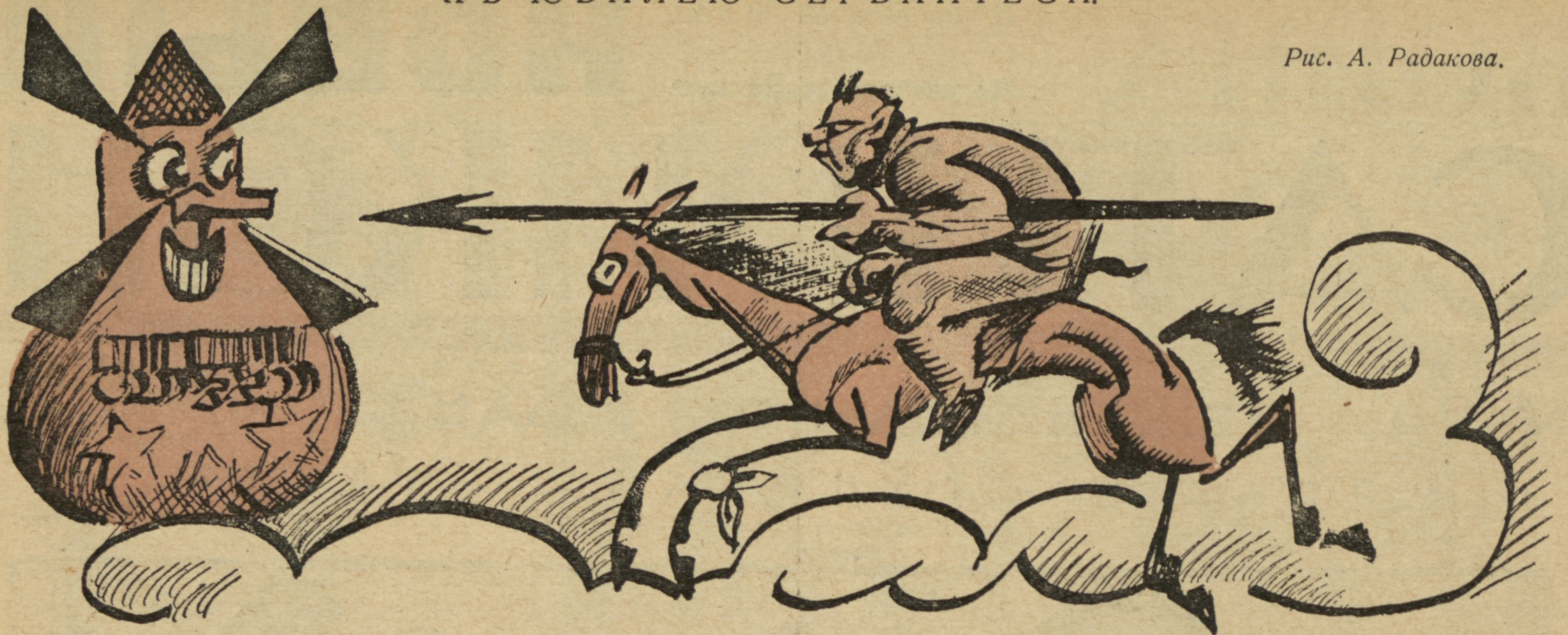
Рис. А. Радакова.

АКТЪ ПЯТЫЙ, СЦЕНА I.

— *Первый могильщикъ, Марковъ:* — Да развѣ ее будутъ хоронить, какъ, порядочнаго человѣка, когда она само-вольно отправилась на тотъ свѣтъ?

— *Второй могильщикъ, Замысловскій:* — Разумѣется, — копай скорѣй могилу; судьи ужъ рассудили, что ее должно похоронить, какъ водится.

САТИРИКОНЪ.

Какъ страшень умный Донъ-Кихотъ!
Какъ страшень глупый Санхо-Панса!
Я противъ нихъ иду въ походъ,
Въ порывѣ бѣшенago транса!

Подъ гнетомъ цензорскихъ цѣпей
Не сталъ я, все же хамски-кротокъ
И я тобозскихъ Дульциней
Не превращалъ ни въ чьихъ кокотокъ!

Я знаю — умный Донъ-Кихотъ,
Въ кредитъ настроивъ мельницъ всюду,
Въ походъ на нихъ идетъ и жжетъ,
И за страховку тянетъ ссуду.

Мой Россинантъ покорно несъ
Меня къ врагамъ, уздѣ послушенъ
Онъ никогда не ѣлъ овесъ
Превосходительскихъ конюшенъ.

Я сильнымъ міра не слуга.
Изъ власти ихъ не дѣлалъ Бога,
И никогда моя нога —
Не обивала ихъ порога!

А. Р.

ВЕЩИ НА ЗНАТОКА.

Я люблю вещи. Можетъ быть, это очень не хорошо, но, въ концѣ концовъ, къ пепельницѣ, съ отбитымъ краешкомъ, на который такъ удобно класть потухающую папиросу, или къ граненому флакону на туалетѣ привыкаешь гораздо крѣпче и теплѣе, чѣмъ къ знакомому, который изъ года въ годъ приходитъ разъ въ недѣлю и надоѣдаетъ разсказами о своей семейной жизни. Перестанетъ онъ ходить, придетъ вмѣсто него другой еще не успѣвшій обнуднѣть человекъ, и радуешься, что того, прежняго, не стало, а когда кухарка добьетъ изломанную пепельницу, четыре года бездѣльничующую на столѣ — жалко. Какъ будто домашнюю кошку украли.

Но есть вещи, которыя ненавижу: вещи на знатока. И еще больше презираю ихъ счастливыхъ владѣльцевъ.

* * *

Онъ кончилъ университетъ гдѣ-то за границей. Слушалъ гдѣ-то лекціи по искусству, носилъ большую шляпу съ широкими полями, ѣздилъ по городамъ съ картинными галереями и, вернувшись, сталъ писать плохіе стихи и сердиться на редакторовъ.

Сейчасъ онъ стоитъ предо мной, смотритъ на меня съ недоброжелательнымъ сожалѣніемъ и тычетъ пальцемъ въ облѣзлый, облупившійся низенькій столикъ.

— Да вѣдь ему же около семидесяти лѣтъ... — возмущенно говоритъ онъ.

— Столъ не телячья котлета, — хмуро возражаю я: — на другой день не портится.

— Ему теперь цѣны нѣтъ.

— Съ моей точки зрѣнія тоже. На сломъ, можетъ быть, можно.

— Вѣдь такая же вещь красить комнату... Какъ вы не понимаете...

— Мнѣ кажется, комнату еще болѣе украсилъ бы обыкновенный молодой столъ, на которомъ удобно писать, обѣдать...

— Я даже удивляюсь... Неужели вы не понимаете — это же смѣшно. Можетъ быть, за этимъ столомъ писалъ и работалъ мой дѣдъ... Прадѣдъ, наконецъ...

— Это что же вамъ: по наслѣдству?

— Не въ этомъ дѣло. Купилъ по случаю

— Слѣдовательно, чей-нибудь чужой дѣдъ завелъ себѣ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ приличный столъ, а вы теперь, когда ужъ онъ пришелъ въ негодность...

— Впрочемъ, эта вещь на знатока, — опредѣленно недружелюбно заканчиваетъ онъ и отходитъ.

Все-таки ему, какъ знатоку особенныхъ вещей, — не терпится. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова тянетъ меня къ какому-то ящику, покрытому черной матеріей, и стаскивая ее торжествующе смотритъ на меня.

— Фисгармонія? Играете?

— Клавесины, — негодуя бросаетъ онъ, — вы знаете, что это такое?

— Знаю. Играете?

— На нихъ нельзя. Это двадцатыхъ годовъ. Извѣстная въ то время фирма.

Клавесины занимаютъ добрую половину стѣны. Что они замѣняютъ — я не знаю. Можетъ быть, музыкальный инструментъ, можетъ быть, пишущую машинку. Я внимательно осматриваю ихъ и миролюбиво вставляю.

— А у меня граммофонъ дома. Хорошо, когда хочется музыки, завожу и слушаю.

Я не догадываюсь о томъ, какъ это можетъ оскорбить человека съ клавесинами. Онъ блѣднѣетъ, у него начинаютъ трястись губы, и черная матерія судорожно дрожитъ въ рукахъ.

— А у васъ... а у васъ, — лихорадочно подбираетъ онъ соотвѣтствующее оскорбленіе, — а къ вамъ... портниха знакомая не ходитъ?..

Расходимся мы съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Я — грубый, весело нечуткій, онъ — оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ и привязанностяхъ.

* * *

Фамильные цѣнности тоже ненавижу. Можно семь лѣтъ носить въ записной книжкѣ сухой цвѣтокъ, подаренный на вокзалѣ провинціальной гимназисткой. И если мнѣ покажутъ его — отнесусь съ уваженіемъ. Въ такомъ цвѣткѣ можетъ быть очень много голубой, радостно-печальной памяти.

ПЕЧАЛЬ ГОРОДА.

Но вот мнѣ суютъ бабушкино кольцо. Я осматриваю его и вспоминаю, что гдѣ-то видѣлъ такое... Какъ же: сегодня же, когда зашелъ въ табачную за папиросами. Тамъ цѣлый выборъ такихъ, развѣшанный на бѣлой картонкѣ. Ихъ покупаютъ солдаты въ воскресенье, когда получаютъ увольнительныя записки и идутъ въ гости къ знакомымъ, служащимъ одной кухаркой.

Я смотрю на солдатское кольцо безъ достаточнаго уваженія, стараясь только удержаться отъ явно открытаго порицанія.

— Да... колечко.

— Семейное. Желѣзное, съ какой-то стекляшкой, а подумайте — бабушкино. Изъ рода въ родъ переходитъ.

— А развѣ его можно носить? — доврчиво спрашиваю я.

— Это кольцо? Да вы шутите, что ли? Это же рѣдчайшая вещь. Я ни разу въ жизни не встрѣчалъ такое...

Присматриваюсь ближе. Если такое кольцо принести въ ломбардъ, оцѣнщикъ затрясется, сниметъ очки и визгливо будетъ кричать сторожу, чтобы пьяныхъ не пускали въ залъ, когда и безъ того публики много. Если его надѣть на палецъ, всѣ обидятся. Пытаюсь подойти къ вопросу глубже.

— Любили покойницу-то?

— Какую?

— Да бабушку-то вашу?

— Это Евлампиху? Скотина была баба. Крѣпостныхъ запарывала и съ приказчикомъ жила. А оставила долги.

— Чего же вы съ ея кольцомъ носитесь? Отдайте на кухню. Кучеру къ празднику. Они это любятъ.

— Что? Семейное кольцо?... Такой работы?..

Послѣ вашего ухода люди съ семейными цѣнностями говорятъ о васъ долго, но очень сдержанно:

— А вѣдь гдѣ-то учился... И вотъ такой ломовой извозчикъ на приличной барышнѣ женится... У него, навѣрное, въ квартирѣ изъ всѣхъ предметовъ роскоши только сломанная оглобли да ножки отъ стульевъ валяются... Водовозъ...

* * *

Чувство длительного, съ трудомъ подавляемаго бѣшенства вызываютъ во мнѣ вазочки, статуэткы и чашки, разсчитанныя на знатока. Происхождение ихъ очень простое.

Старый паралитикъ Джекумме, самый неуважаемый итальянецъ изъ мѣстечка Альто-Азино, на югѣ Италии, рѣшаетъ покончить со своей лавчонкой и начинаетъ нищенствовать

въ какомъ-нибудь большомъ городѣ. Торговалъ онъ всѣмъ, преимущественно колбасой и живой рыбой, но за четырнадцать лѣтъ торговли въ лавчонкѣ его накопилось много стеклянной, фарфоровой и гипсовой дряни.

Въ моментъ его печальнаго разставанія съ прилавкомъ, въ лавчонку входитъ компанія изъ четырехъ человекъ, съ такими почтительными лицами и робкими улыбками, что Джекумме сейчасъ же узнаетъ въ нихъ русскихъ. Пятый, самый умный, остается за дверьми и сердится, что его уже пять дней кормятъ одной морской рыбой съ сухимъ перцемъ.

— У васъ это продается? — спрашиваетъ одинъ изъ русскихъ, стирая потъ съ лысины и осторожно прикасаясь къ пыльному графинчику изъ-подъ уксуса.

Джекумме, которому становится неловко отъ посѣщенія богатыхъ иностранцевъ, рѣшаетъ на все отвѣчать утвердительно.

— Si, si, signore...

— Это же бокалъ эпохи Ботичелли, — радостно волнуется одинъ изъ русскихъ.

— Прежде всего, не бокалъ, а фіаль, — торжественно поправляетъ его другой спутникъ, съ унылымъ видомъ, — хотя не эпохи Ботичелли, а эпохи Растрелли. И даже не Растрелли, а Медичи. Однимъ словомъ, Каролинговъ, или Капетинговъ.

— Нужно купить, — волнуется тотъ, — я не могу упустить этой рѣдкости... — и робко спрашиваетъ у Джекумме: — Сколько?

«Неужели они хотятъ купить эту дрянь? — недоумѣвающе соображаетъ Джекумме. — Надо посмотреть, не осталось ли тамъ уксуса. Уксусъ нынче дорогъ».

И опасливо поглядывая на покупателей, онъ поднимаетъ всѣ пять пальцевъ, причемъ одинъ изъ скромности и изъ нежеланія упустить выгодный случай, осторожно полупригибается къ ладони.

«Спрошу пять центезимовъ, вдругъ дадутъ... Мало ли бываетъ неожиданныхъ случайностей въ нашемъ мѣстечкѣ!..

— Онъ сошелъ съ ума, — ужасается покупатель. — Онъ хочетъ пять лиръ за такую вещь... Да, вѣдь, это даромъ... Нужно еще хоть полъ-лиры прибавить... Не краденая ли еще вещь... Вотъ идиотъ-то...

Когда Джекумме получаетъ внезапно пять съ половиной лиръ за уксусную склянку, онъ блѣднѣетъ, чувствуетъ приступъ холода подъ сердцемъ и, какъ всякая экспансивная южная натура, начинаетъ выражать свои мысли вслухъ:

i uc. Ре-ми.

ЖЕНСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

— Милый, я пойду купить тебѣ матеріи на галстукъ, — сегодня въ Гостинномъ дешевая распродажа.

— Хотя тамъ была такая давка, что меня чуть не задушили, но похвали, милый! Я вѣдь тебѣ сорокъ копѣекъ съэкономила!

— Радуйся, старый Джекумме... Есть еще идиоты на свѣтѣ. Правда, они подданные другой страны, но твоя родина не закрыта для иностранцевъ...

Черезъ полгода меня подведутъ къ этой уксусной бутылочкѣ и начнутъ рассказывать исторію ея происхожденія, увѣряя, что въ Парижѣ знатоки дали бы за нее не меньше четырехъ тысячъ франковъ. Меня заставятъ восхищаться каждой царапиной на пыли и грязи на стеклѣ, которыя сдѣлали грязные ногти Джекумме,—увѣряя, что каждая царапина имѣетъ своего Меровинга, Капетинга и Стюарта.

Поэтому-то не такъ уже нелѣпо, когда я, связанный чѣмъ-нибудь съ хозяевами дома, вдругъ рѣшительно встаю и дрожащимъ голосомъ заявляю, кивнувъ головой на уксусное вмѣстилище:

— Или я, или она...

Значительно хуже, когда вещь покупается тутъ же, въ нашемъ городѣ, на рынкѣ... Въ забракованный на фабрикѣ желтый кувшинъ старьевщикъ четыре года наливалъ квасъ; потомъ забросилъ. Кувшинъ позеленѣлъ и потерялъ часть доньшка.

Какими словами называютъ меня, когда я отказываюсь признать въ немъ лучшей изъ памятниковъ петровской эпохи...

* * *

Хорошо, очень хорошо имѣть грубую, невоспримчивую къ эстетизму натуру. Я люблю мягкое англійское кресло изъ хорошей кожи, недавно присланное изъ магазина. Удобную электрическую лампу цѣню несравненно выше старинной люстры, мрачно коптящей подъ потолкомъ... Когда въ мебельномъ магазинѣ начинаютъ увѣрять, что предлагаемому мнѣ книжному шкапу пятьдесятъ четыре года, я рѣшительно уклоняюсь отъ чести справлять его юбилей у себя дома. Пусть этимъ занимаются другіе... Когда-то люди добывали огонь при помощи сухого дерева. Судя по описаніямъ, это было красиво. Но если каждый эстетически настроенный человѣкъ для того, чтобы закурить папироску будетъ останавливаться на улицѣ и долго тереть полѣно-о-полѣно — это будетъ некрасиво... Слишкомъ много приходится уважать разной живой дряни, если же къ этому еще прибавить хорошо сплѣвшийся гарнитуръ изъ почтенныхъ креселъ, уважаемыхъ столовъ и досточтимыхъ вазочекъ — самому придется перекинуть черезъ руку салфетку, робко стоять по цѣлымъ днямъ у дверей собственнаго кабинета и безропотно раскланиваться во всѣ стороны. Мнѣ это не нравится.

Арк. Буховъ.

ТАМЪ ЗА ДАЛЬЮ НЕПОГОДЫ.

Ѣду въ даль... Прощай, столица.

Дай мнѣ на полѣ побыть,

Дай упиться, дай забыться,

Показать былую прыть.

Ѣду полемъ, Ѣду лѣсомъ...

Здравствуй, поле! Здравствуй, лугъ!

Какъ доволенъ я экспрессомъ:

Дѣльный, — взялъ и уволокъ...

Не дуракъ ли былъ я?.. Эка!

Жиль въ столицѣ!.. Ну-ну-ну!

Замотали человѣка

Въ жуткомъ каменномъ плѣну.

Какъ двѣ капли схожій съ крысой,

Злой и вредный, точно дьякъ,

Жиль я сѣрый, пыльный, лысый,

И невѣжда и дуракъ!

Я забылъ о синей дали,

Нѣжной ясности полянъ,

О тоскующей печали

Грустной пѣсни поселянъ,

О заснѣженной опушкѣ,

Ткнувшей въ синь свои стволы,

И о сѣрой деревушкѣ

Въ тихій часъ вечерней мглы...

Все забылъ... Глазью въ оба...

Гей, земля, привѣтъ!.. Привѣтъ!

Послѣ проба-небоскреба

Небо, солнце, радость, свѣтъ.

Вотъ удралъ, — и сердце радо

Видѣть вновь забытый рай.

А вѣдь ныло: — Надо! Надо!

Брось столицу!.. Удирай!

Весь я въ радости бездонной
Мчусь экспрессомъ въ царство презь,
Упоенный, усыпленный
Кастаньеттами колесъ...

А куда?.. Не все ль равно мнѣ?

Мало ль мѣста на землѣ?

Ну, въ Казани; ну, въ Коломнѣ,

Ну, въ Рязани; ну, въ Орлѣ.

Хе-хе-хе! Не такъ ужъ глупъ я —

Драть въ Казань... Да что за статья?

Буду питерскіе струпья

Только въ Тулѣ отмывать,

Только тамъ ловить Жарь-Птицу...

Быть навѣки по сему!

Иль рѣшился бь я столицу

Промѣнять на Чухлому?

Нѣтъ, столичныя обглодки, —

Въ Тулу ѣду я не зря:

Я слыхалъ, что въ Тулѣ водки

Будто — цѣлыя моря!..

Евг. Вѣнскій.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Завѣдующій репертуаромъ Александринскаго театра, академикъ Котляревскій, печатно обругалъ заслуженнаго артиста В. Н. Давыдова. Давыдовъ обругалъ Котляревскаго. Котляревскій обругалъ артиста Аполлонскаго. Аполлонскій обругалъ Котляревскаго. Котляревскій обругалъ всѣхъ артистовъ вообще. Всѣ артисты вообще ругаютъ Котляревскаго.

А Теляковскій радуется: вотъ какое у меня оживленіе въ театрѣ!

*

Заслуженный артистъ В. Н. Давыдовъ рассказываетъ печатно о своемъ начальникѣ, Котляревскомъ, такое:

Я могу привести „примѣры“ о немъ самомъ.

Напримѣръ, къ моей дочери онъ обратился съ такимъ вопросомъ:

— Что, у вашего отца въ „Женитьбѣ (?) Кречинскаго“ большая роль?

Или артисту г. Владимірову онъ четверть часа дѣлалъ указанія, какъ надо играть въ пьесѣ „Тихая пристань“.

— Вы кончили? — спросилъ артистъ, выслушавъ все до конца

— Кончилъ...

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ сказать, что я въ этой пьесѣ даже не занятъ. Обратитесь къ Ильину...

Бѣдный неприкаянный Котляревскій. Толкается онъ зря за кулисами и только всѣмъ мѣшаетъ.

*

Когда встрѣтишь, Божьей милостью, талантливаго человѣка — плакать отъ умиленія хочется. Такое чувство вызываетъ артистка Сабуровскаго театра Грановская... Смотришь пьесу съ ея участіемъ, а въ головѣ все время мысль, иногда даже мѣшающая сосредоточиться:

— До чего хорошо!

Хорошъ и безсмѣнный партнеръ ея — Надеждинъ. Ихъ нельзя представить другъ безъ друга. И если бы Сабурову пришло на мысль поставить гоголевскій „Разговоръ двухъ дамъ“, то Грановская играла бы аму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ, а Надеждинъ — даму просто пріятную. До того надиво сыгралась эта парочка, что просто грѣхъ разлучить ихъ.

Надо видѣть ихъ въ новой пьесѣ Фейдо „Я не обманываю своего мужа“, чтобы оцѣнить всю тонкость и благородство манеры игры Грановской и простоту, естественность ея партнера Надеждина.

Кстати: на сценѣ въ этой пьесѣ былъ пущенъ настоящій дождь, но такъ умѣло, что актеры вышли изъ воды сухими.

*

Въ антрактѣ, на премьерѣ пьесы Фейдо у Сабурова:

Дама: — Я не обманываю своего мужа.

Ея спутникъ (обезпокоенный): — Надѣюсь, это вы о пьесѣ говорите?

Дама: — Ну, конечно.

Ея спутникъ (облегченно): — Ну, то-то.

*

Актеръ: — Ставилъ я въ память юбилея Шекспира „Гамлета“. Самъ, представьте, игралъ заглавную роль. И что же! Публика освистала! Можете представить — самого великаго Шекспира освистала!

Т. К.

БОДЛИВОЙ КОРОВЪ БОГЪ РОГЪ НЕ ДАЕТЪ.

— Вотъ бы когда я подписалъ миръ обѣими руками!!..

ПОДАРОКЪ ВЪ АРМІЮ.

Отъ Афанасія Зачинидверь пришло письмо въ четыре страницы. Передавъ на трехъ страницахъ всѣмъ по поклону, Афанасій Зачинидверь въ самомъ концѣ сдѣлалъ приписку:

— И всѣмъ намъ очень хорошо, одно только горе насущное, не дай Богъ врагу лютому, — нѣтъ у насъ гармошки. Можетъ ваше благородіе будетъ такое уважительное, что пришлетъ намъ оную, за что по гробъ благодарный Афанасій Зачинидверь руку приложилъ.

Письмо произвело крупное впечатлѣніе.

Цыганковъ сразу же вскочилъ и побѣжалъ въ переднюю.

— Ты куда? — спросилъ его Отдуваевъ.

— Въ музыкальный магазинъ и на почту.

— Ты хочешь купить гармошку?

— Безусловно. Было бы прямо грѣшно не исполнить такой просьбы.

— Подожди. До закрытія почты еще порядочно. А такое дѣло съ бухты-барахты не дѣлается.

— Что жъ тутъ еще обсуждать?

— Многое. Во-первыхъ, какую именно гармошку?

— Какъ какую?

— Очень просто. Существуетъ два сорта гармошекъ, такъ называемыя, губныя и э... э... э... такъ называемыя... ручныя.

— Какую же ты купишь?

Цыганковъ почесалъ подбородокъ.

— По моему... губную. Разъ Афанасій лежитъ въ окопахъ, такъ гдѣ ему носиться съ ручной. Гармошка должна быть портативной.

— Я такъ и зналъ. Милый мой, если ты посылаешь гармошку солдату, такъ, пожалуйста, запомни, что солдаты играютъ исключительно на ручныхъ гармошкахъ.

— Ну, это еще вопросъ.

— Я, конечно... э... э... доказать не могу, но сколько я ни видѣлъ фотографій и иллюстрацій, солдатъ всегда изображается съ ручной.

— Что жъ. Куплю ручную.

— Хорошо. Но понимаешь ли ты толкъ въ гармошкахъ? Насколько мнѣ извѣстно, твой слухъ оставляетъ

желать много лучшаго. Ну, предположимъ ты купилъ, пошлешь. Хорошо. Афанасій получаетъ гармошку, пробуетъ играть и... и дикіе, нетерпимые звуки начинаютъ рѣзать ухо. Позоръ, стыдъ!

— Какъ же быть? — растерялся Цыганковъ.

— То-то и оно. Я бы на твоёмъ мѣстѣ сходилъ къ Расторгуеву, да попросилъ его содѣйствія. Расторгуевъ кончилъ консерваторію, великолѣпный пианистъ, ужъ онъ маху не дастъ при выборѣ гармошки.

— Отдуваевъ, — воскликнулъ Цыганковъ, — ты гений!

— Только обожди минуту. Идемъ вмѣстѣ. Знаешь, умъ хорошо, а два лучше.

Расторгуевъ принялъ ихъ съ распростертыми объятіями.

— Милости прошу! Чѣмъ могу служить?

— Видишь ли, дружище, — сказалъ Отдуваевъ, — нашъ общій пріятель Цыганковъ получилъ письмо изъ арміи отъ своего бывшего слуги. Этотъ слуга проситъ прислать ему гармошку. Откровенно говоря, намъ не хочется ударить лицомъ въ грязь и послать какую-нибудь дрянъ. Напротивъ! Ужъ если посылать, такъ послать послѣднее слово искусства, чтобы всѣ товарищи Афанасія отъ зависти рты поразинули.

— Правильно, — согласился Расторгуевъ, — ужъ если привѣчать солдата, такъ привѣчать по-настоящему.

— Ты сейчасъ свободенъ?

— Ладно, ужъ. Идемъ.

Въ музыкальномъ магазинѣ Расторгуевъ превратился въ настоящаго звѣря. Приказчикъ сбился съ ногъ, весь магазинъ былъ перевернутъ вверхъ дномъ, а Расторгуевъ все браковалъ и браковалъ, предлагаемая ему гармошки. Въ одной гармошкѣ не совсѣмъ чисто удавалось «ля», въ другой тяжелы были басы, въ третьей покорибилась полировка, четвертая...

— Стойте, — сказалъ наконецъ приказчикъ, — есть у насъ еще одинъ экземпляръ. Англійское концертно. Бальный инструментъ. Звукъ — лучше скрипки.

Расторгуевъ осмотрѣлъ концертно.

— Пожалуй, — промычалъ онъ.

— Возьмете? — оживился приказчик.
 — Да, — сказала Расторгуевъ, обращаясь къ Цыганкову, — этотъ экземпляръ я, пожалуй, рекомендую вамъ.
 — Пожалуй, и я выбралъ бы именно этотъ, — сказала Цыганковъ. — Меня въ немъ больше всего прельщаетъ портативность.
 — Звукъ? — переспросилъ приказчикъ.
 — Я сказала: портативность.
 — Осмѣлюсь спросить... для какой же надобности вы покупаете инструментъ? — дѣлаясь сахарнымъ спросилъ приказчикъ. — Вѣдь, обычно, прежде всего, требуютъ отъ инструмента чистоту звука.
 — Въ армию, — отвѣтилъ Цыганковъ. — Солдату одному. Солдаты всплеснули руками.
 Всѣ обернулись.
 Широко раскрывъ отъ изумленія глаза, на нихъ смотрѣлъ хромой солдатъ.
 — Да, солдату, — сказала Расторгуевъ.
 — Ваше благородіе! Да развѣ это солдату гоже? Развѣ это гармошка?
 — Вы ничего не понимаете, милый, — сухо отвѣтилъ Расторгуевъ.
 — Да, я жъ не могу... Такъ сказать, мы молчать готовы и въ чужія дѣла не вмѣшиваемся... А тутъ никакъ не возможно утерпѣть... Ретивое говорить... Желаете солдатика обрадовать, а доставите одинъ конфузъ... Ваше благородіе, да того, кто играть на ней будетъ весь свѣтъ засмѣетъ!
 — Что онъ говоритъ! — поразился Расторгуевъ.
 — Вы, голубчикъ, повторяемъ, ничего не понимаете.
 — Въ гармошкѣ-то? — Солдаты засмѣялись. — Сказали тоже! Гармошка перво-наперво должна рипѣть. Чтобъ ты заигралъ, а въ ней все отдавало. А ваша-то, что? Тили, тили, да и конецъ. Второе, чтобъ звукъ изъ нее за версту шель. Чтобъ ты, значитъ, заигралъ, а нѣмецъ въ своемъ окопѣ услышалъ. Ты, значитъ, въ своемъ окопѣ жарись, а нѣмецъ пусть слышитъ, да облизывается. Вотъ, что.
 — Онъ говоритъ дѣльное... — нерѣшительно замѣтилъ Отдуваевъ.

— Господа, — возмутился Расторгуевъ. — Слушать дико!
 — Завернуть? — спросилъ приказчикъ.
 — Конечно.
 Они вышли на улицу.
 — Ваши благородія! Ваши благородія ихъ догонялъ солдатъ.
 — Ваши благородія, — волновался солдатъ, — вернитесь, перемѣните! За что полсотни отдали? Вѣдь, ее нѣмцамъ бросать! Вернитесь! То есть, такая роскошная, за десятку продается, что годъ будешь слушать — не оторвешься. Развѣ вы гармошку купили? Тилиликалька, а не гармошка... Господи, что же это такое?
 Легкая тучка набѣжала на лицо Цыганкова. Онъ уже собирался что-то сказать, но въ это время прошелъ генералъ. Солдаты вытянулись, замеръ на мѣстѣ и отдали честь...
 Воспользовавшись этимъ, Расторгуевъ прибавилъ шагу. Теперь ужъ хромому солдату ихъ не догнать.
 Сворачивая въ боковую улицу, они услышали еще разъ надрывное:

— Ваши благородія! Ваааши...

Евграфъ Дольскій.

ПЕТРОГРАДСКОЕ.

— Вотъ положеніе!
 — А что?
 — Знаете: директоромъ казенныхъ театровъ у насъ Теляковскій, а породскимъ головой выбранъ Леляновъ.
 — Гм... да. Чего же вы хотите?
 — А я думаю: что если ихъ переставить — Теляковского посадить породскимъ головой, а Лелянова — директоромъ казенныхъ театровъ.
 — Что жъ изъ этого выйдетъ?
 — Богъ его знаетъ. А попробовать можно.
 — Но вѣдь лучше же не будетъ?
 Со стономъ:
 — Но вѣдь и хуже уже ничего не можетъ быть!!

М. — Г.

Рис. В. Лебедева.

Какъ нѣмцы представляютъ себѣ столь нетерпѣливо ожидаемаго ими ангела мира...

И какимъ онъ явится къ нимъ...

Рис. В. Л.

РУССКІЙ УЗЕЛЪ.

Фельетонъ Аркадія Аверченко.

Въ міровой исторіи мы до сихъ поръ имѣемъ только три яркихъ этапа сообразительности и остроумія...

Первый: царь Соломонъ, предложившій двумъ тяжущимся изъ-за младенца женщинамъ — разрубить этого младенца на двѣ части и надѣлить каждую женщину половиной младенца.

Второй: Александръ Македонскій, разрубившій своимъ мечемъ запутанный гордіевъ узелъ.

И, наконецъ —

третій: «На обсужденіе особаго совѣщанія по топливу вносится разработанный распредѣлительной секціей вопросъ о необходимости закрытія въ районѣ петроградскаго градоначальства театровъ, кинематографовъ, увеселительныхъ садовъ и проч.».

Если вдуматься въ эти три «этапа», то, что касается перваго — онъ довольно сложенъ; подумайте только: царь Соломонъ отнюдь не хотѣлъ кромсать младенца, а внесъ это предложеніе лишь какъ реактивъ, долженствующій выявить настоящую мать. Это была своего рода лакмусовая бумажка, которая заставила настоящую мать пасть на колѣни и вскрикнуть: «О, царь! Отказываюсь отъ своей половины! Пусть она забираетъ цѣлаго!».

Сложно все это и для простой головы мало доступно.

Далѣе: второй этапъ поражаетъ своей простотой. Десятки людей бились надъ проклятымъ узломъ, всѣ пальцы себѣ обломали, а тутъ пришелъ человекъ, трахнулъ мечомъ по узлу — и узла какъ не бывало.

Третій этапъ — предложеніе распредѣлительной секціи по топливу напоминаетъ больше александро-македонскій поступокъ, чѣмъ соломоновскій: все это до смѣшного просто и очень мило.

Нѣтъ угля? Закрыть театры.

Мечъ Александра Македонскаго попалъ въ крѣпкія надежныя руки. Чорта-ли намъ возиться съ этимъ запутаннымъ узломъ, обламывать объ него ногти: трахнулъ мечомъ — и вся недолга.

Смѣшно было бы, если бы Александръ Македонскій, въ свое время, снялъ каску, присѣлъ на землю, поплевалъ на руки и принялся зубами и руками развязывать запутанный узелъ. Можетъ быть, онъ бы и развязалъ, а можетъ быть — и не развязалъ!

И получился бы для Александра Македонскаго большой конфузъ. («Туда же! Съ твоимъ ли носомъ эти узлы развязывать?»)

Можетъ быть, и теперь — распредѣлительная секція по топливу, если бы удосужилась поплевать на руки да приняться хорошенько за запутанный узелъ, то и уголь бы появился и дрова бы появились: ужъ больно много и того и другого.

Но распредѣлительная секція по топливу рѣшила слѣдовать самымъ знаменитымъ классическимъ образцамъ:

— Петръ Иванычъ, у васъ мечъ? А ну, трахните-ка по этому узлу, чтобъ ему пусто было.

— Э-экъ! — трахаетъ Петръ Иванычъ...

— И что же? Узла какъ не бывало!

* * *

Хорошо бы, если бы распредѣлительной секціи по топливу удалось расширить свои функціи.

— Топлива, господа, не хватаетъ.

— Эка невидаль! Закроемъ театры и все тутъ.

— Слушаю-сь. А вотъ тутъ тоже гвоздей нѣтъ. Гвоздевой кризисъ.

— Закройте театры.

— Да мы не о гвоздяхъ сезона говоримъ. Просто гвоздей нѣтъ. Для вбиванія, которые.

— Да вѣдь въ театрахъ гвозди вбиваются?

— Ну? Изрѣдка вбиваются.

— Ну, вотъ и закройте театры.

— Дѣло въ томъ, что гвозди, главнымъ образомъ, въ домахъ употребляются. Въ стѣны ихъ вбиваютъ.

— Закроемъ дома.

— А какъ же ихъ закрыть. Жить-то гдѣ тогда?

— Вотъ видите — значитъ, и выходитъ: закрыть театры.

— Слушаю-сь. Вотъ тутъ тоже... сахару нѣтъ; рафинаду!

— Закройте театры.

— Позвольте, какое же отношеніе...

— Да въ театрахъ-то чай съ сахаромъ пьютъ?

— Изрѣдка. На сценѣ — иногда, въ публикѣ — чаще.

— Ну, вотъ видите — закроемъ театры, съэкономимъ на сахарѣ.

— Но вѣдь это пустяковая экономія... Какая-нибудь сотая процента!

— А вы думаете на освѣщеніи съэкономимъ больше?

— Такъ зачѣмъ же это?

— Ну, театры, тоже... Важное кушанье!

Сверкаетъ мечъ въ воздухѣ... Звенитъ, свиститъ... Такъ люди размахались, что и подойти страшно.

* * *

Почтительнѣйше прошу разрѣшенія указать на маленькую разницу, существующую между объектомъ стараній Александра Македонскаго и объектомъ стараній распредѣлительной секціи... Въ первомъ случаѣ — узелъ на какой-то телѣгѣ. Чортъ знаетъ, что это за узелъ... Никому онъ особенно не былъ нуженъ и цѣна ему грошъ въ базарный день.

Если Александръ Македонскій для смѣху и бабахнулъ по немъ мечомъ, то никого это не огорчило. Даже, я думаю, и самъ Гордій, авторъ узла, только усмѣхнулся и сказалъ:

— Здорово ахнулъ! Ну, да чортъ съ нимъ — новый завяжу.

А во второмъ случаѣ мечъ занесенъ надъ театромъ.

Театръ — это наша гордость, нашъ свѣтъ, тепло, подъемъ и успокоеніе.

Смѣю думать, что говорю такъ отъ имени всей Россіи.

Аркадій Аверченко.

ВЕСЕННЕЕ.

Въ свѣтелкѣ дѣвица вышивала шелками,

Вышивала шелками алый платокъ,

Вѣтеръ морозными игралъ облаками,

Игралъ облаками и наиграться не могъ.

Бѣлую пряжу пряли веретенца,

Пряли веретенца сами собой,

Вышивала дѣвица красное солнце,

Красное солнце и цвѣтокъ голубой.

Вились по задворью бѣлыя вьюги,

Бѣлыя вьюги за баней мели,

Вышивала дѣвица, и насмѣяться подруги,

Насмѣяться подруги надъ ней не могли.

По угламъ отъ мороза лопались бревна,

Лопались бревна, буянилъ морозъ.

За работой дѣвица улыбалась безкровно,

Улыбалась безкровно и вышивала стрекозъ.

Недѣли бѣжали, словно клубочки,

Словно клубочки по склоненной доскѣ. —

Отъ календаря дѣвица отрывала листочки

Отрывала листочки въ затаѣнной тоскѣ.

Дни проходили, время приспѣло,

Время приспѣло нарушить затворъ,

Вышла дѣвица и пѣсно запѣла,

Пѣсно запѣла на льдинахъ озеръ.

Бѣлую пряжу прясть веретенца,

Прясть веретенца перестали уже,

Цвѣтокъ голубой распустился на солнцѣ,

Распустился на солнцѣ въ согрѣтой межѣ

Недаромъ дѣвица вышивала шелками,

Вышивала шелками алый платокъ:

Вѣтеръ весенними игралъ облаками,

Игралъ облаками и наиграться не могъ.

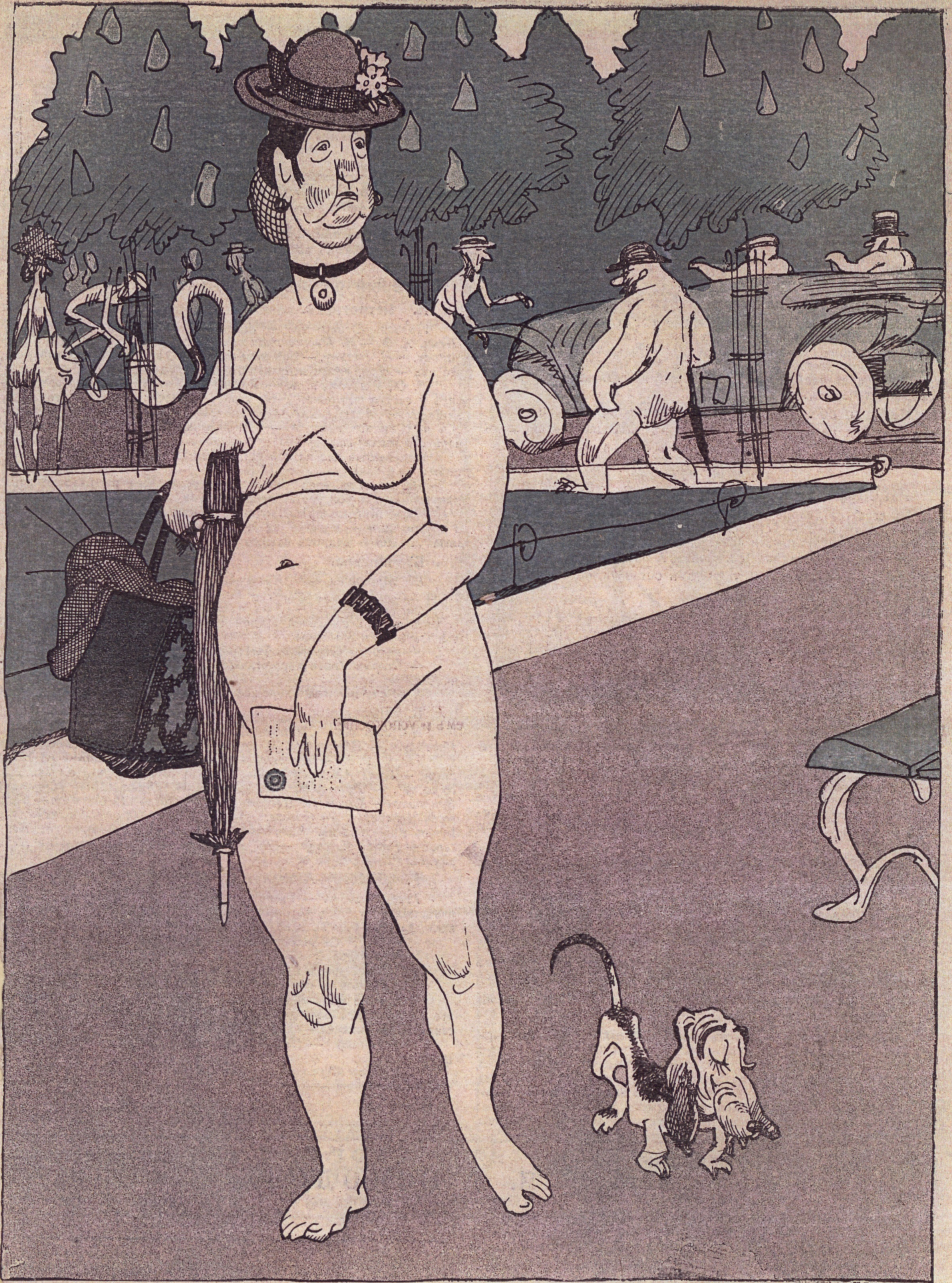
Уже по задворьямъ не маялись вьюги,

Не маялись вьюги на просторахъ полей —

Вѣнокъ изъ фіалокъ сплетали подруги,

Сплетали подруги царевнѣ своей.

Валентинъ Горянскій.

СОВСѢМЪ БЕЗВЫХОДНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Въ виду недостатка тканей, въ Германіи введены на покупку одежды особыя карточки.

Изъ газетъ.

Нѣмка: — Доннеръ-веттеръ! Можно было бы, въ концѣ концовъ, вмѣсто одежды прикрывать свою наготу этими бумажными карточками на одежду, но у насъ въ Германіи и бумаги мало!

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Вѣшалка для германскихъ орденовъ.

Для подавленнаго настроенія современной Германіи весьма характерны слѣдующія сплетни, циркулирующія по Берлину и зарегистрированныя датскими газетами: женѣ германскаго кронпринца было прислано письмо съ сообщеніемъ, что жена американскаго посла мистрисъ Джерардъ повѣсила имѣющіеся у мужа германскіе ордена на шею своей собачки...

Неужели общество покровительства животныхъ не обратило вниманія на этотъ изъ ряду вонъ выходящій по своей жестокости фактъ истязанія безвинной собаки.

Простой путь.

Изъ Харькова сообщаютъ:

Въ связи съ дѣломъ о продажѣ обрѣзовъ казеннаго сукна мануфактурнымъ складамъ — устранивъ отъ должности начальника каторжной тюрьмы, изготовлявшей обмундированіе для арміи.

За что же человекъ отстранять? Тамъ его, на прежнемъ мѣстѣ въ каторжной тюрьмѣ и оставить.

Почему?

По словамъ „Journ. de Genève“, между баварцами и сѣверными нѣмцами возобновился антагонизмъ. Дошло до того, что прусскіе рабочіе во избѣжаніе столкновеній не обѣдаютъ въ однихъ ресторанахъ съ баварцами.

Знаемъ мы, почему они не обѣдаютъ...

Просто ѣсть нечего.

Кому на Руси жить хорошо.

Мы такіе умные, что сразу по причинѣ догадываемся о слѣдствіи:

Пробирная палата въ посланномъ въ Петроградъ отчетѣ отмѣчаетъ, что въ январѣ, февралѣ и мартѣ въ палату поступило для штемпелеванія драгоценностей въ два раза больше, нежели въ прошломъ году за тотъ же срокъ. Палата завалена работой. Чиновники изнемогаютъ.

Говорятъ, что наступилъ бумажный кризисъ, что не хватаетъ бумаги.

Теперь понятно, почему не хватаетъ бумаги: просто ювелиры заворачиваютъ въ нее купленные драгоценности!

Губернаторъ стараго времени.

Н. В. Сахаровъ описываетъ въ „Р. Архивѣ“ губернаторовъ добраго стараго времени. Вотъ одинъ изъ нихъ — гр. Е. П. Толстой, отличавшійся безграничнымъ ханжествомъ и столь же безграничной лѣнью.

Пріѣзжаетъ названный губернаторъ въ мѣстный женскій монастырь. Игуменья, окруженная монахинями, выходитъ на паперть для встрѣчи высокаго почитателя. Лишь только губернаторъ, выйдя изъ экипажа, вступилъ на паперть, игуменья падаетъ передъ нимъ ницъ. Губернаторъ немедленно отвѣчаетъ тѣмъ же. Затѣмъ является вопросъ: кому же первому подняться? Игуменья не рѣшается подняться первой изъ почтенія къ губернаторскому званію. Губернаторъ не желаетъ под-

няться первымъ изъ уваженія къ духовному сану игуменьи. Такъ и лежатъ они другъ противъ друга внизъ головой, подсматривая вполглаза, не поднялся ли кто первый. Наконецъ губернаторъ утомившись, говоритъ вполголоса: „Мать не пора ли вставать?“. Тогда оба встаютъ за разъ одновременно, чѣмъ и заканчивается необыкновенный ритуаль.

Хорошо, что губернаторъ догадался прервать это тяжелое молчаніе... А то бы такъ и лежали оба до сихъ поръ.

Редакторъ „Новаго Сатирикона“ принимаетъ по средамъ отъ 3 до 5 часовъ дня въ помѣщеніи редакціи (Невскій пр., 88).

Секретарь редакціи — по средамъ и субботамъ отъ 3 до 5 часовъ дня.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Лигово. Осипу Че. — Лѣсной. „Лѣсоцвѣту“. — Э. Б. — Пески. А. Ф. — Б. Пушкинская. А. Р-ергу. — Ел. Кэръ. — П. Степанову. — П. Еасичу. — Всѣ перечисленные, вѣроятно, догадываются, что они — содержимое небольшой братской могилы.

В. О., 7 л. Уволапъ. — Англичанинъ, по увѣренію автора, спросилъ у своего чичероне: „Что, у васъ въ Россіи чайки — птицы домашнія?“ — „Нѣтъ, дикія“. — „Но почему ихъ кормятъ милостыней?“ — „Съ чего вы это взяли?!“ — „Да какъ же: всѣ кругомъ у меня кланчатъ „на чаекъ“...“

Выдумывать для плохой остроты цѣлаго живого англичанина — стоитъ ли?

Митральезъ. — У Митральезы появляется въ разсказѣ такая дѣвушка, у которой „нога плотно обтягивала чулокъ“.

Нѣтъ, Митральеза! Дѣвушка, у которой чулокъ не снаружи, а внутри ноги — никогда не появится на страницахъ нашего журнала... Это — вопросъ нашего самолюбія!

Б. Москва.

Вл. Муринову. — Н. Кусикову. — А. А. Бѣлову. — Ю. М. Ю. — Каманьдину. — Волихаиму. — Вл. Муринову. — Не подошло.

Василь-Василичу. — Такъ, какъ остритъ Вас. Васильчъ, — можно остритъ только въ своей тѣсной компаніи... Но Василь-Васильчъ выносить соръ изъ избы:

— Что вы больше любите: подъемъ или спускъ?

— Подъемъ ноги хорошенькой женщины лучше спуска съ лѣстницы ея мужемъ“.

А по-нашему такъ: хорошее стихотвореніе лучше плохой остроты.

В. Провинція.

Н.-Новгородъ. „Питиу-пролетарію“. — Одесса. „Ш-2“. — Ярославль. — Не принято. Георгію В. — Такіе рисунки не подходятъ.

Тверь. Р. К. — Феодосія. Г. Е. Орگیю. — Ярославль. Н. Николаеву. — Уфа. Аскольду — Кіевъ. В. С. Бура-ву. — Калуга. „Нестроеву“. — Барнаулъ, Томск. губ. В. Веселому. — Иркутскъ. Венченко. — Харьковъ. Неизвѣстной. — Орелъ. Н. Сьрому. — Саратовъ. Рамзаеву. — Одесса. „В-у“. — Рославль, Смоленск. губ. Буквъ А. — Ревель. Кивиломби Иньтсъ. — Евапаторія. Р. Кельсенъ. — Рига. Евгенію. — Въ пространство Студенту. — „Провинціалу“. — Все не подошло.

Г. Дѣйствующая армія.

Гребенщикову. — Гребенщиковъ написалъ стихотвореніе о неизвѣстномъ старикѣ, который вышелъ изъ избы съ ведромъ въ рукахъ, да такъ больше и не вернулся. Вотъ окончаніе стихотворенія:

... Съ лежанки всталъ, кряхтя, старикъ

Ведро беретъ,

На дворъ идетъ —

Пѣтухъ уже пропѣлъ свой крикъ“.

Пѣтухъ, а такой безграмотный. Развѣ не знаетъ этотъ пѣтухъ, что всякій крикъ онъ долженъ не пропѣть, а издать. Крикъ — не стихи Гребенщикова — его издать всегда можно.

Сьдлецкому — Ив. Задорскому — Ф. Ф. — Къ сожалѣнію, не подошло.

„Доктору Перископу“. — У насъ нѣтъ вашей поэмы. Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

САМОУЧИТЕЛИ РЕМЕСЛЪ, съ рисунк.

Багетнаго — 30 к. Бочарнаго — 50 к. Выжиганія — коп. Рисунки для выжиганія, 7 разн. альбом. по 50 к. Выпиливанія — 30 к. Рисунки для выпилыванія. 7 альбомовъ по 50 к. Женск. рукодѣл. — 30 к. Жестяного — 40 к. Живописецъ вывѣс. — 50 к. Зеркальнаго — 40 к. Золоченіе по дереву и металлу — 35 коп. Корзиночнаго — 30 к. Кузнечнаго — 40 к. Кровельнаго — 30 коп. Выдѣлка лаковъ — 30 к. Луженіе и паяніе — 30 к. Маларное 30 к. Маларное дѣло — 1 руб. Мыловаренія — 40 к. Переплечникъ — 40 к. Переплетн. дѣло — 1 руб. Печанкъ — 40 к. Плотникъ — 40 к. Плотничное ремесло — 1 руб. Полировка и лакировка — 50 к. Починка галошъ и шинъ — 35 коп. Потравы дерева подорѣхъ, дубъ и друг. — 50 к. Рѣзчикъ — 40 к. Саложникъ — 50 к. Слесарь — 40 к. Слесарное и токарное по металлу. дѣло — 1 руб. Столяръ — 50 к. Столярное ремесло — 1 руб. Мотивы мебели въ новомъ стилѣ, 20 разн. альбомовъ по 50 коп. за кажд. Телѣжно-колесное — 40 к. Токаръ по дереву — 35 к. Токаръ по металлу — 60 к. Токарныя работы по металлу съ атлас. 390 рисунк. — 2 руб. Часовщикъ — 50 к. Чемоданчикъ — 40 к. Чучельное — 40 к. Шорно-сѣдельное — 30 к. Каучук. штемпел. 40 к. Штукатуръ — 30 к. Перчаточникъ — 40 коп. Высылаетъ Технич. Книжн. сѣл. А. Ф. Суханова, Петроградъ, В. Подъячская у., 19. Москва, Волхонка, д. № 1 Техн. ви. маг. М. Петрова. Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 коп. 3 кн. — 26 коп. 4 кн. — 30 к. 5 кн. — 34 к. налож. платеж. на 10 коп. дорож. При заказѣ на 3 р. пересылка бесплатна.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу
пятыи томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА.“

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Т-во „Просвѣщеніе“.

Петроградъ, Забалканскій пр. № 75а. Город. отдѣль: Знаменская 7. Тел. № 175-55

А. В. Амфитеатровъ.

Свѣтъ и сила. Ц. 1 р. 75 к. —
Арменія и Римъ. Ц. 1 р. 75 к.

И. Крашевскій. *Графиня Козель.* Подъ ред. проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Ц. 1 р. 50 к.

Жанъ-Жакъ Руссо.

Исповѣдь. Подъ ред. проф. Владим'рова. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.

М. С. Крайновичъ. *Въ шупальцахъ жизни. Еврейскіе рассказы.* Ц. 1 р. 25 к.

Техническая Энциклопедія.

Словарь по всеѣмъ отрасл. техники и примык. къ ней наук., издающ. подъ ред. извѣстн. ученыхъ и спеціал. и являющ. единств. цѣн. (на русск. яз.) справочн. для инжен. всѣхъ спеціальн. фабр. и завод., для всякаго рода технич. конг. и вообще лицъ, дѣят. котор. близко соприкас. съ техникой.

9 т. въ роск. полукож. перепл. по 18 руб. за кажд. томъ.

Промышленность и Техника.

Энциклопедія Промышленныхъ Знаній:

Т. I. Исторія и современная техника строительнаго искусства.

Т. II. Силы природы и ихъ примѣненія (физическая технология).

Т. III. Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ.

Т. IV. Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ.

Т. V. Горное дѣло и металлургія.

Ц. каждого т. (можно отдѣльно) въ роск. полукож. перепл. 7 руб. 50 коп.

Каталоги и проспекты высылаются бесплатно.

Т. VI. Технология металловъ.

Т. VII. Обработка камней и земель и технология химическихъ производствъ.

Т. VIII. Обработка волокнистыхъ веществъ (дерево, бумага, прядильное и ткацкое дѣло, кожа, волосъ и каучукъ).

Т. IX. Пути сообщенія

Т. X. Міровыя сношенія и ихъ средства.

Т. XI. Воздухоплаваніе, его прошлое и настоящее.

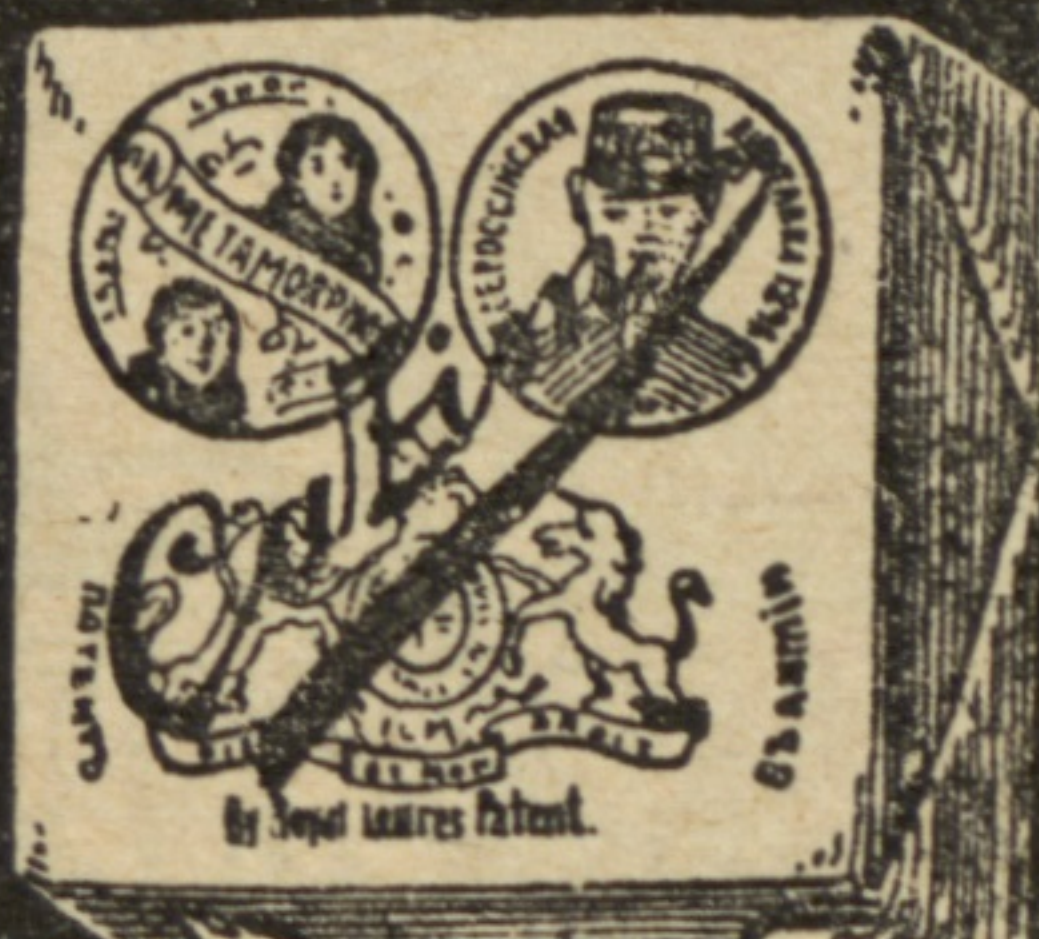
4-й г. изд. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА 4-й г. изд.
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА.

„Новый Сатириконъ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересыл-
ки и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.
Адресъ конторы и редакціи: П-дъ, Невскій, 88. Тел. № 59-07.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫМ
КРЕМЪ **КАЗИМИ**
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН-
СТВЕННО
ПРИЗНАННЫЙ
ЖЕНЩИНАМИ
ВСЕГО МІРА.

БЕЗСПОРНО РАДИ-
КАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ
ВЕСНУШКИ, УГРИ,
ПЯТНА, ЗАГАРЪ,
МОРЩИНЫ
И ДР. ДЕФЕКТЫ
ЛИЦА.

Cassim

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ взимаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и просятъ прикидывать адресокъ бандероли.

БЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА
ВЪ ПРОДАЖУ.

новая книга:

„Теплая компанія“.

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Текстъ: — Арк. Аверченко,

Вл. Азова, А. Бухова,

О. Л. Д'Ора Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.

О МАЛЕНЬКИХЪ--ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

РАЗСКАЗЫ О ДѢТЯХЪ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЧУДЕСА ВЪ РѢШЕТѢ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

САТИРИКОНЦЫ ВЪ ЕВРОПѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

НЕЖИВОЙ ЗВѢРЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 50 к.

КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 50 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 р. 50 к.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 к.

— Въ Крымъ, въ Крымъ обязательно. Отдохнуть надо. Правда, тяжеловато мѣсяць стоять, 24 часа въ сутки, у кассы, но — что-жъ дѣлать. Всѣ мои родственники въ это время дежурятъ въ хвостахъ у разныхъ лавокъ, — провизию мнѣ, на дорогу, готовятъ.

— На станціи Лозовая, ждали 2 недѣли. Пропустили воинскіе поѣзда, — преклоняюсь, поѣзда съ провизіей, — понимаю, поѣзда съ ревизорами, — подчиняюсь.

— Наконецъ я въ Ялтѣ. Переночевавъ три ночи въ гостиницѣ на биллардѣ, истратилъ всѣ свои деньги, которыхъ должно было хватить на 3 мѣсяца. Недѣлю ужъ ночуемъ подъ мостомъ.

— Хорошо, что жена настояла взять Марсика, — пригодилась бѣдная собачка. Недѣлю питались.

— А когда наступила жара — въ городѣ отъ грязи появилась эпидемія...

— Идемъ уже мѣсяць въ далекій, милый, уютный, чудный Петроградъ. Мысль увидать его и зажечь прежней жизнью — только и поддерживаетъ насъ.

— О, счастье, о радость! Мы дома. Дымятъ милыя фабричныя трубы, вонь Фонтанокъ и Моекъ — врывается въ окно, фунтъ говядины стоитъ девять гривенъ, а мы сидимъ и плачемъ отъ счастья.